

18+

Михаил Мясников

Секрет мэра



Михаил Мясников

Секрет мэра

«Издательские решения»

Мясников М.

Секрет мэра / М. Мясников — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Максим Громов — «золотой мальчик», сын мэра столицы. Его жизнь расписана на десятилетия вперед: элитная школа, престижный вуз, политическая карьера. Но всё меняется, когда отец проигрывает аппаратную войну и увозит семью в глухую провинцию, чтобы спрятаться от скандала. В городе N за глянцевой вывеской «успешной семьи» скрывается клетка. Чтобы выжить под прицелом сотен глаз, Максим надевает маску идеального ученика. Всё идет по плану, пока он не встречает Полину Зимину — дерзкую художницу.

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Новая столица	6
Глава 2. Гимназия номер один	9
Глава 3. Золотой мальчик	12
Глава 4. Парк Гагарина и правила выживания	15
Глава 5. Сестры Королевы	18
Глава 6. Кофе, физика и яблочный пирог	21
Глава 7. Алгебра, автобус и правила дорожного движения	24
Глава 8. Синдром спасателя и законы термодинамики	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Секрет мэра

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-8709-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новая столица

Сентябрьский дождь в городе N пах углем и мокрой пылью — совсем не так, как в Москве. Там осенняя сырость всегда смешивалась с запахом подземки, остывающего асфальта и дорогого кофе из уличных киосков. Здесь же к этому букету примешивался тонкий аромат гниющих яблок из заброшенного сада где-то по соседству.

Максим сидел на широком подоконнике второго этажа их нового дома, обхватив колени руками, и смотрел вниз через идеально чистое стекло. Двухэтажный коттедж из красного кирпича прятался за высоким забором с системой видеонаблюдения, которую отец лично проверял вчера до полуночи.

— Макс, спускайся! — крикнула снизу мама. Голос у Елены звучал натянуто-радостно, той самой интонацией, которой родители пытаются убедить детей (и самих себя), что переезд — это лучшее приключение в жизни. — Иди коробки разбирать! С твоей одеждой закончили, теперь очередь твоих книг и техники.

Максим вздохнул. В старой московской квартире его комната была похожа на кабину пилота: два монитора, механическая клавиатура, полка с кубками олимпиад и огромная карта звездного неба на потолке. Здесь пока были только голые стены цвета яичного желтка и запах свежей краски.

Он спрыгнул с подоконника и вышел в коридор. Из гостиной доносился ровный, поставленный голос отца. Андрей Викторович Громов проводил очередной видеозвонок.

— ...нет, Игорь Семенович, поставки идут строго по графику. Да, логистику мы перестроили... Что? А, вы про дом? Служебное жилье от головного офиса, ничего особенного. Стандартный корпоративный пакет для региональных руководителей...

Максим усмехнулся, проходя мимо приоткрытой двери. «Региональный руководитель». Отец сидел в кресле с прямой спиной, одетый в простую темно-синюю рубашку без галстука. На экране ноутбука виднелась лысина какого-то важного человека из министерства. Для всего мира Андрей Громов был просто очень эффективным топ-менеджером крупного строительного холдинга, которого перевели развивать филиал в депрессивном регионе.

Никто не должен знать, что этот «топ-менеджер» три месяца назад выиграл выборы мэра Москвы с разгромным счетом. Никто не должен видеть лицо нового градоначальника в этом тихом провинциальном городке, иначе сюда слетятся журналисты федеральных каналов, папарацци и политические стервятники, жаждущие найти компромат на семью столичного чиновника. Такова была цена безопасности, о которой они договорились на семейном совете еще в июле.

— Максим, не стой в дверях, ты перекрываешь свет, — не поворачивая головы, бросил отец в паузе между обсуждением тендеров. — Елена, проследи, чтобы сын хотя бы час погулял на улице. Ему нужен кислород после столицы.

Мама появилась в коридоре, вытирая руки о фартук. Она уже успела распаковать половину кухни и даже повесить новые шторы в столовой. Энергии ей было не занимать, но темные круги под глазами выдавали усталость. — Пойдем, горе луковое. Покажу тебе твою берлогу. Если разложишь учебники, обещаю заказать ту ужасную пиццу с ананасами, которую отец запрещает есть в Москве.

Новая комната Максима оказалась просторнее старой, но какой-то гулкой и пустой. Единственное окно выходило прямо на глухую стену соседского гаража. — Я договорилась с местным риелтором, весной посадим вдоль забора туи, будет зелено, — щебетала мама, доставая из пузатой картонной коробки стопку толстых томов Ландау и Фейнмана. — Как думаешь, стеллаж поставить слева или справа? — Мне все равно, — честно ответил Максим. Он подошел к стене и прижался к ней лбом. Обои были прохладными. — Мам, а можно мне завтра вообще в

школу не ходить? Скажи, что я простудился. Я хоть вещи нормально разберу. И интернет нам подключили такой, будто мы в тайге живем. Пинг скачет.

Елена присела на край неразобранной коробки и внимательно посмотрела на сына. — Макс. Мы знали, что будет трудно. Ты оставил там Диму, вашу сборную по футболу, свою тусовку физтехов... Но здесь тоже люди живут. Хорошие люди. Просто дай им шанс. И себе дай. Завтра идешь в гимназию номер один. Директор предупрежден, что ты победитель Всероссийской олимпиады по физике, они готовят тебе место в профильном классе. Тебя будут носить на руках. — Носить на руках — это палево, мам, — мрачно пошутил Максим. — Нам нужно быть серыми мышками. Топ-менеджерская семья среднего звена. Никаких победителей олимпиад.

В кармане его джинсов завибрировал телефон. Сообщение от Димы: *«Братан, тут ливень стеной. Тренировку отменили. Как оно там, в деревне дедов?»*

Пальцы Максима замерли над экраном. Раньше он бы написал развернутый отчет с фотографиями. Сейчас каждое слово могло стать ниточкой. Геометка, случайное фото фонарного столба специфической формы, упоминание местной достопримечательности — всё это могли раскопать конкуренты отца.

«Нормально. Дом большой. Интернета нет. Книги читаю», — напечатал он максимально скучный ответ. *«Даунишфтер хренов. Ладно, держись. Если что, знай — твоя комната в Мск тебя ждет»*.

Максим убрал телефон. Знал. Эта мысль грела больше, чем обещание пиццы.

Вечером спустились к ужину. Стол наконец собрали, и он выглядел почти уютно благодаря маминому фарфору, который она каким-то чудом довезла в ручной клади. Андрей Викторович отложил планшет, на котором мелькали графики котировок акций-прикрытия. Лицо у него осунулось, морщины в уголках глаз стали глубже. Роль успешного менеджера давалась ему тяжелее, чем управление двадцатимиллионной армией москвичей. — Как прошел день великой стройки? — спросил он, разрезая кусок мяса. — Великолепно, — отозвался Максим, гоняя горошину по тарелке. — Распаковал трусы и зарядку от телефона. Чувствую себя первооткрывателем.

Отец поднял глаза. Взгляд у него был тяжелый, внимательный — тот самый взгляд, которым он смотрел на провинившихся глав управ перед увольнением. — Скучаешь, — констатировал он. Это не было вопросом. — Понимаю. Я сам первые полгода в аппарате мэрии спать не мог. Но запомни одну вещь, сын. У нас сейчас уникальная возможность. В Москве ты — сын мэра. Каждый твой косяк, каждая двойка, каждый скандал обсуждались бы на заседании городской думы. Здесь ты можешь быть просто Максимом Громовым. Парнем, который играет в футбол. Парнем, которому нравится физика. Без приставки «сын». Цени это.

— То есть, если я получу тройку по химии, Собянин об этом не узнает? — уточнил Максим, сохраняя абсолютно серьезное лицо.

За столом повисла тишина. Мама ахнула и прикрыла рот рукой. Андрей Викторович медленно положил вилку и вдруг громко, раскатисто расхохотался. Впервые за последние месяцы смех у него был настоящим, не политическим. — Не узнает, — кивнул он, отсмеявшись. — Но тройку ты не получишь. Потому что завтра утром в восемь тридцать ты встаешь, ешь овсянку и едешь в гимназию. Быть обычным парнем — не значит быть посредственностью. Обычный парень со способностями Макса может порвать эту провинциальную лигу. Вопросы есть?

Вопросов не было. Ужин продолжился в спокойной беседе — мать рассказывала, какая приветливая попалась кассирша в местном супермаркете, а отец делился планами по благоустройству местного парка, называя это «оптимизацией зон рекреации подрядчика».

Ночером Максим снова стоял у окна своей новой, гулкой комнаты. Город N спал. Редкие желтые фонари освещали пустые улицы. Ни пробок, ни бесконечного потока сигналящих машин, ни света тысяч окон напротив. Только тишина.

Тишина была самым громким звуком, который он когда-либо слышал.

Он лег в кровать, накрывшись с головой одеялом, чтобы спрятаться от этой оглушающей пустоты. Впереди была новая школа, новые лица и необходимость каждую секунду помнить, кто он такой на самом деле. И почему никто вокруг не должен этого узнать.

Глава 2. Гимназия номер один

Утро началось не с будильника, а с запаха яичницы с беконом и звона столовых приборов. В Москве Максим привык завтракать на бегу, запивая остывший кофе кефиром прямо из пакета. Здесь же стол был накрыт по всем правилам этикета: салфетки сложены треугольниками, приборы сияют.

— Доброе утро, столица, — отец уже сидел в костюме, просматривая что-то в планшете. Сегодня он играл роль регионального директора особенно тщательно. — Как спалось на новом месте? Кошмары о физике не мучили? — Спал как убитый, — буркнул Максим, садясь за стол. — Только под утро приснилось, что я забыл пароль от московской почты. — Это нервное, — вступила мама, подвигая к нему тарелку. — Елена Петровна из квартиры напротив заходила в семь утра. Принесла банку своего фирменного малинового варенья. Говорит, у нас тут очень дружный двор. Представляешь? Максим представил московский закрытый ЖК, где соседи здоровались сквозь зубы лифта, и промолчал. Дружный двор означал повышенное внимание. А внимание — это риск.

В машину они сели ровно в восемь ноль-ноль. Черный седан представительского класса выглядел здесь так же уместно, как смокинг на деревенской дискотеке. — Высадишь меня за два квартала, — попросил Максим, глядя на экран навигатора. — И номера местные сделай уже сегодня. На московских «777» ты всю конспирацию ломаешь. Андрей Викторович хмыкнул, но послушно сбросил скорость. — Выходи. Удаchi. И помни: ты просто парень, который переехал. Не умничай сильно на химии, учителя этого боятся.

До гимназии номер один пришлось идти пешком. Город N просыпался медленно, со скрипом. Дворники шаркали метлами по тротуарам, пахло тополиным дымом. Школа встретила Максима сталинским ампирическим фасадом, облупившейся синей краской на дверях и толпой галдящих подростков у крыльца.

Охраны на входе не было. Вообще. Никакого турникета, никаких магнитных карт. Просто пожилая техничка тетя Зина вязала носок и лениво мазнула взглядом по новому лицу. — Новенький? К директору иди, второй этаж, левое крыло.

Кабинет директора встретил его запахом мастики для пола и нафталина. За массивным столом красного дерева сидела женщина лет шестидесяти с прической-башней. Валентина Ивановна, заслуженный учитель РФ. — Громов Максим Андреевич? — она подняла на него глаза через толстые линзы очков. — Наслышана. Золотая медаль Москвы, физика, информатика. Департамент образования настоятельно рекомендовал зачислить вас сразу в десятый «А», физико-математический. Там у нас недобор после того, как Смирновы в лицей при Бауманке ушли. Надеюсь, вы оправдаете доверие. — Постараюсь не подвести, — максимально нейтрально ответил Максим. — Вот и славно. Классная руководительница — Инга Станиславовна, историк. Кабинет триста четырнадцать. Иди, знакомься. Ребята у нас... живые.

Живые оказалось эвфемизмом. Когда Максим толкнул дверь кабинета истории, гул тридцати голосов мгновенно оборвался, словно кто-то нажал кнопку «Mute». Десятый «А» смотрел на него во все глаза.

За первой партой среднего ряда, идеально выпрямив спины, сидели две девушки. Они были похожи настолько, что первые три секунды мозг Макса отказывался верить глазам, списывая всё на оптическую иллюзию. Одинаковые русые волосы до плеч, одинаковые курносые носы, одинаковая форма губ. Но если присмотреться — Лиза (табличка на парте гласила «Елизавета Орлова») смотрела дерзко, чуть прищурившись, закинув ногу на ногу. Катя («Екатерина Орлова») сидела тише воды, ниже травы, аккуратно сложив руки перед собой и испуганно моргая.

— Можно войти? — спросил Максим, нарушая затянувшуюся тишину. От стены отделилась высокая блондинка в очках, которые делали ее похожей на строгую стрекозу. Инга Станиславовна. — Входи, конечно. Я Инга Станиславовна. Громов Максим, прибыл из столицы нашей Родины. Проходи на свободное место. Третья парта у окна, там Маша вчера ногу подвернула, сидит дома.

Максим пошел между рядами. Он физически ощущал, как десятки взглядов скользят по его брендовой рубашке, идеальным брюкам и новенькому рюкзаку. Для них он был инопланетянином. Он сел за указанную парту. Соседнее кресло пустовало. Справа от него оказалась коротко стриженная девочка с россыпью веснушек и кольцом в носу. Она рисовала в тетради череп в цилиндре. — Привет, — тихо сказал Максим. — Я Макс. Девушка даже не повернула головы, только почесала нос карандашом. — Полина. Если будешь дышать мне в затылок или просить списать — укушу. — Договорились, — кивнул Максим. — Дышать буду в другую сторону.

Инга Станиславовна постучала указкой по столу. — Тишина! Итак, тема урока: «Смутное время». Кто напомним классу причины династического кризиса? Лиза Орлова взметнула руку так стремительно, будто опасалась, что ее опередит муха. — Пресечение династии Рюриковичей после смерти Федора Иоанновича! Борьба боярских группировок! Появление самозванцев! — Садись, Лизонька, пять, — расплылась в улыбке историчка. — Образец ответа.

Лиза села с видом победителя, стрельнув глазами в сторону Максима. Катя рядом с ней незаметно вздохнула и открыла учебник.

Урок тянулся невыносимо долго. Максим слушал вполуха, больше наблюдая. Слева Полина увлеченно штриховала черепу зубы. Впереди сестры Орловы перекидывались записками. Максим изогнулся, пытаясь разглядеть, что там. Лиза писала крупными буквами: «**НОВЕНЬКИЙ ТОП. ПАПИК НА S-КЛАССЕ ПРИВЕЗ?**». Катя в ответ быстро царапнула: «*Лиз, не позорься. Видишь, он скромный*».

Звонок спас Максима от необходимости анализировать их переписку. Коридоры взорвались шумом. — Эй, москвич! — чья-то тяжелая рука хлопнула его по плечу. Максим обернулся. Перед ним стоял квадратный парень в спортивном костюме, от которого разило дешевым дезодорантом и уверенностью в себе. Позади маячила еще пара таких же шкафов. — Я Саня, капитан сборной школы по баскетболу. Слышал, ты мяч гонял? — Было дело, — Максим постарался расслабить плечи. Драки в первый день точно не входили в план прикрытия. — Погоняем после уроков? Стадион за школой. Покажешь класс столице, а то наши деревенские финты тебе скучными покажутся. — Сань, отстань от человека, — раздался спокойный голос. Между ними вклинился высокий худощавый парень с камерой на шее. — Он только приехал, вещи хоть разобрал. Я Димка, местный папарацци, веду паблик школы. Интервью дашь для колонки «Новые лица»? — Нет, — отрезал Максим. — Извини, ребят, погонять не могу, предки заставляют коробки разбирать. В другой раз.

Он начал пробиваться к выходу, чувствуя спиной тяжелый взгляд капитана баскетбольной команды. Конспирация трещала по швам.

На крыльце его ждали. Лиза и Катя стояли под козырьком, прячась от мелкого дождя. Без своих спортивных костюмов одноклассников они казались совершенно другими — стильными, дорогими, уверенными. — Ну как тебе наш серпентарий? — весело спросила Лиза, жуя жвачку. — Историчка от меня кипятком писает, да? — Вы близнецы? — спросил Максим вместо приветствия. Сестры переглянулись и фыркнули одновременно. — Почти, — ответила Катя. — Я родилась на десять месяцев позже, когда родители поняли, что с первой попытки бракованный экземпляр получился. Я исправленная версия. — Очень смешно, Кать, — закатила глаза Лиза. — Мы двойняшки. Ладно, Максим-победитель-олимпиад, мы тебя официально приглашаем гулять сегодня. Парк Гагарина, шесть вечера. Фонтаны, сахарная вата, культурный досуг. Отказы не принимаются, иначе решим, что ты высокомерный сноб. — А если

я просто хочу лечь спать в девять? — усмехнулся Максим. — Тогда мы сами придем к тебе домой проверять коробки, — без тени улыбки сказала Катя. Ее серые глаза смотрели серьезно. — Так идешь?

Максим посмотрел на свои новые ботинки, потом на небо цвета мокрого асфальта. В Москве в такое время он обычно зависал в коде. Здесь вариантов не было. — Буду, — кивнул он. — Диктуй номер, — Лиза достала розовый телефон со стразами. — Я добавлю тебя в наш чатик «Королевы и Ко». — Может, не надо «Ко»? — осторожно спросил Максим. — Надо, Гроза Физиков, надо. Иначе какой смысл переезжать из столицы?

Она вбила цифры, которые продиктовал Максим (сим-карту он купил накануне в переходе, зарегистрированную на какого-то Василия). Экран ее телефона вспыхнул. — О, а вот и первая весточка, — протянула Лиза, читая уведомление. Лицо ее изменилось. Улыбка стала хищной. — Наш паблик пишет. Димка-фотограф выложил фото. Подпись: *«Новый ученик десятого „А“ прибыл на семейном Mercedes Pullman с водителем. Папа — важный дядя в мерш!»*

Катя побледнела. — Лиз, удали ссылку. Быстро. — Зачем? Пусть обсуждают. Нам же меньше внимания будет, — ухмыльнулась Лиза, но телефон убрала.

Максим почувствовал, как внутри похолодело. Водитель. Отец настоял на том, чтобы их возил Михаил Иванович на служебной машине, потому что «так безопаснее». Одна фотография бравого водителя у руля — и вся легенда о «топ-менеджере» могла рассыпаться. Люди в маленьких городах знают машины администрации в лицо.

— Мне пора, — глухо сказал Максим. — Обещали ананасовую пиццу. — Беги-беги, маменькин сынок! — крикнула вслед Лиза, но в голосе ее больше не было веселья. — В шесть у фонтана! Не вздумай заблудиться в трех соснах!

Максим шел обратно дворами, засунув руки глубоко в карманы куртки. Мелкий дождь усилился. Из-за угла пятиэтажки вышла та самая девчонка с веснушками — Полина. В руках она несла пакет с логотипом местной пятерочки, из которого торчали макароны и буханка черного хлеба. Она шла, сгорбившись под дождем, обходя лужи. Их пути пересеклись у старой детской площадки. — Опять ты, — буркнула она, останавливаясь. — Опять я, — согласился Максим. — У тебя есть зонт? — Не заработала пока на зонт, — огрызнулась Полина. — В отличие от некоторых, кого развозят на лимузинах.

Она хотела пройти мимо, но Максим вдруг шагнул ей наперерез. — Послушай. То, что написал этот ваш блогер про мэра — неправда. Мой отец занимается строительством. Просто... у него такая машина от фирмы. Полина остановилась. Вода стекала по ее лицу, тушь начала немного подтекать, делая ее похожей на енота. Она посмотрела на него долгим, изучающим взглядом, от которого Максиму стало не по себе. — Ты врешь хуже, чем первоклассник, который съел конфету, — спокойно сказала она. — У строителей нет времени стоять у школы и ждать сыночка. И водители им не положены. У моего отца вообще никого не было, он сбежал до моего рождения. Так что давай без этих сказок. Держи.

Она сунула ему в свободную руку свой полиэтиленовый пакет. — Что это? — опешил Максим. — Хлеб. Мама забыла купить, а мне нести тяжело. Доведи до подъезда, рыцарь. Третий подъезд, восьмая квартира. Скажи тете Лене, что Поля зашла за солью.

И прежде чем он успел возразить, Полина развернулась и быстрым шагом пошла прочь, растворяясь в сетке дождя.

Максим остался стоять посреди двора с пакетом черствого черного хлеба в руке, каплями на ресницах и двумя абсолютно разными вечерами впереди: одно — с сестрами-королевами и светящимися фонтанами, другое — которое начнется, когда папа узнает, что фотографии их машины уже гуляют по школьному паблику.

Глава 3. Золотой мальчик

Кабинет математики встретил Максима запахом мела и вековой тоской. Парты здесь были покрыты резьбой нескольких поколений двоечников, а линолеум пошел волнами еще в прошлом десятилетии.

Учитель — седовласый мужчина с идеально прямой спиной и пронзительными голубыми глазами, которого все звали просто Пал Палыч — молча указал Максиму на свободное место за третьей партой среднего ряда. Место было стратегически невыгодным: прямо под прицелом учительского взгляда.

— Орлова, к доске, — проскрипел Пал Палыч, не отрывая глаз от журнала. Лиза вскочила так резво, что стул отъехал назад со скрежетом. Она уверенно застучала мелом по доске, решая логарифмическое уравнение. Решение было правильным, но громоздким, занимало почти всю доску и сопровождалось кокетливым встряхиванием волос после каждого перехода. — Садись, четыре, — вынес вердикт математик. — Громоздко, Елизавета. Изящества нет. Математика — это красота минимализма, а не роман Толстого. Кто хочет исправить?

В классе повисла тишина. Десятый «А» славился тем, что умел мастерски сливаться с ландшафтом, когда пахло добровольной работой у доски. — У нас новый ученик, кажется? — Пал Палыч наконец поднял глаза. — Громов. Вы уже ознакомились с нашей программой или предпочитаете сразу блеснуть талантами?

Максим встал. Он чувствовал затылком тяжелый взгляд Лизы (оценка «четыре» явно испортила ей утро) и любопытный — Кати. — Ознакомился, Аркадий Павлович, — спокойно ответил Максим, намеренно искажив имя учителя, чтобы прощупать почву. Пал Палыч медленно улыбнулся уголком рта. Угроза в его глазах сменилась профессиональным интересом хищника. — О как. Смело. Тогда прошу. Тридцать вторая страница задачника, номер четырехста двенадцать. Дополнительная. Для вузовских олимпиад. Три минуты форы дам.

Класс загудел. Полина на задней парте даже перестала рисовать свой череп. Сестры Орловы синхронно подались вперед. Максим подошел к доске, взял кусок осыпающегося мела. Задача действительно была из разряда тех, над которыми бьются студенты мехмата: параметрическое уравнение с модулем, требующее нестандартной замены переменной.

Он не стал писать длинных выкладок. Его рука двигалась быстро и точно. Сначала он свел сложное выражение к простейшему квадратному трехчлену через изящную замену, о которой десятиклассники даже не подумали, затем аккуратно раскрыл модули, отсек лишние корни областью допустимых значений и получил ответ. Вся запись заняла пять строчек.

В кабинете стояла абсолютная, звонкая тишина. Было слышно, как за окном каркнула ворона.

Пал Палыч надел очки, подошел вплотную к доске. Он долго смотрел на решение, потом хмыкнул, снял очки и протер их полкой пиджака. — Метод рационализации... И ведь ни одной лишней запятой. Как вас по имени-отчеству, чудо? — Просто Максим. — Просто Максим только что решил задачу третьего курса Бауманки быстрее, чем я успеваю заварить чай, — громко объявил учитель, возвращаясь к столу. — Вчера вы мне казались просто хорошо одетым мальчиком. Сегодня выясняется, что вы победитель Всероссийской олимпиады по физике. Я прав?

Максим мысленно чертыхнулся. Отец просил не высовываться. Но скрывать общеизвестные факты было глупо — школьное сообщество маленькое, сплетни летают со скоростью света. — По физике и математике, — уточнил он максимально ровным тоном. — Разумеется, — кивнул Пал Палыч. — Катя, поменяйся местами с Соколовым. Ты пересаживаешься к нашему гостю. Будешь контролировать, чтобы он от скуки не прорешал нам весь учебник до конца года. А вы, Максим, завтра после уроков жду вас в кабинете двести один. Покажите мне ваши

дипломы. Если они настоящие, будем готовить вас к международной лиге. Нам хотя бы одно золото нужно, чтобы департамент образования отвязался.

Урок для Максима закончился. До звонка он сидел как экспонат в музее. Катя, севшая рядом, старательно делала вид, что конспектирует, но ее плечо предательски касалось его плеча, а кожа пахла какими-то сладкими духами и типографской краской. Лиза впереди сидела прямая, как шпагат, и напряженные мышцы шеи выдавали ее ярость.

Звонок спас ситуацию. Класс взорвался движением. — Ну ты даешь, москвич, — просвистел Димка-фотограф, материализуясь из воздуха сбоку. — Прямо в яблочко Пал Палычу в самом начале урока! Теперь Лизка тебя неделю игнорировать будет, она эту допку три дня репетировала перед зеркалом. — Передавай ей соболезнования, — сухо ответил Максим, закидывая рюкзак на плечо. Ему нужен был воздух.

Но путь к двери ему преградил массивный силуэт. Петр Сергеевич, учитель физкультуры, бывший игрок местной футбольной команды «Торпедо-Н», человек-гора с носом картошкой. — Стоять, боец, — пробасил физрук. — Дипломы мы посмотрели. Теперь давай проверим опорно-двигательный аппарат. На прошлой неделе наш левый фланг, Серега-Бык, сломал палец. Мне дыры закрывать нечем. Форма с собой? — Нет, я же новенький, — попытался отбиться Максим. — А вон там, в раздевалке, висит мешок с формой сборной прошлого года. Найдешь штаны своего размера. Жду на стадионе через пять минут. Время пошло.

Спорить с Петром Сергеевичем было бесполезнее, чем объяснять теорему Ферма стенке. Через семь минут Максим стоял на мокрой пожухлой траве школьного стадиона. Под широкими спортивными штанами чужих бутс нога чувствовала себя непривычно, футболка пахла чужим потом, но тело само вспоминало движения.

Физрук расставил десять манекенов зигзагом. — Давай, покажи класс столицы. Обведи слаломом на скорость. Только мячик не утронь, он у нас один кожаный остался.

Первый удар. Мяч послушно лег на подъем стопы. Максим начал движение. Он не делал финтов ради финтов, не играл на публику. Каждое касание было минимальным, мяч словно приклеивался к ноге. Он прошел дистанцию, огибая пластиковые стойки с такой легкостью, будто танцевал вальс. Последним движением он подбросил мяч коленом, перекинул через голову, развернулся в воздухе и мягко принял его на грудь.

На противоположном конце поля рабочие красили забор, опираясь на стремянки. Они замерли с кистями в руках. Даже вороны перестали каркать.

Петр Сергеевич вынул изо рта незажженную папиросу. — Охренеть, — выдохнул он. Это слово прозвучало как высшая степень похвалы. — Где твой отец тебя прятал? В академии ЦСКА? — Во дворе гоняли, — соврал Максим, тяжело дыша. Сердце колотилось радостно и свободно впервые за эти два дня переезда. — Во дворе... — физрук покачал головой. — Значит так, парень. Послезавтра игра с тридцать второй школой. Первенство города. Ты в основе. Понял меня? В заявке будешь как Громов. Если сыграешь так же, как сейчас бегал между этими палками, я твоему отцу лично напишу благодарность. Или кто там у тебя...

Он осекся, заметив, как изменилось лицо Максима. Профессиональный педагогический инстинкт сработал мгновенно. — Ладно-ладно, молчу. Никаких отцов. Просто иди переоденься, чемпион. Ты теперь собственность школьной сборной. Пропуск уроков на время выездных игр я тебе обеспечу, скажу, что на диспансеризацию водил.

Когда Максим вернулся в коридор, уроки закончились. Возле центрального входа, прислонившись к облупленной колонне, стояли сестры Орловы.

Они больше не грызлись. Они действовали как единый механизм. Хищный. Лиза держала в руках телефон, Катя скрестила руки на груди. Их позы были зеркальными отражениями друг друга. — Пал Палыч в восторге, физрук готов носить тебя на руках, — начала Лиза без предисловий. Голос у нее был ледяным. — Может, тебе еще ключ от сейфа директора выдать? Или пароль от личной переписки завуча? — Мы просто хотели узнать, — тихо добавила Катя,

делая шаг вперед. Ее голос звучал мягче, но глаза смотрели цепко. — Зачем ты сюда приехал на самом деле? Такие, как ты, обычно сидят в частных школах в Лондоне. Победители олимпиад не переводятся в провинциальные гимназии посреди учебного года. Что-то случилось?

Вопрос попал в цель слишком точно. Максим почувствовал раздражение. Он устал играть роль идеального мальчика из золотой клетки. — Случилось падение метеорита на ваш кабинет истории, — отрезал он, обходя их. — Отстаньте, девочки. У меня тренировка.

Он вышел на крыльцо. Солнце наконец пробилось сквозь тучи, освещая серый город N. Впереди маячила перспектива городской славы. Лучший физик школы. Основной нападающий сборной. Казалось бы, мечта любого подростка.

Максим достал телефон. Экран разблокировки отразил его собственное лицо — уставшее, с капельками пота на лбу. Семнадцать пропущенных вызовов от отца. Одно сообщение от мамы: *«Максик, купи хлеб, тот самый, бородинский. Люблю»*. И входящий запрос в друзья в соцсети от пользователя «Полина Не твоя». Без аватарки.

Максим усмехнулся, заблокировал экран и сунул телефон в карман. Кажется, быть обычным парнем в этом городе окажется сложнее, чем управлять ядерным реактором.

Глава 4. Парк Гагарина и правила выживания

Шесть вечера. Фонтаны в парке Гагарина били подсвеченной водой, создавая иллюзию праздника там, где его не было. Максим пришел ровно к назначенному времени. Он переоделся в простые джинсы и черную футболку, но даже они сидели на нем так, словно он сошел с обложки каталога дорогой молодежной одежды.

Сестры Орловы уже оккупировали лавочку у главного каскада. Рядом с ними сидел Димка-фотограф, вооруженный профессиональной камерой с огромным объективом. Лиза что-то оживленно рассказывала, размахивая руками, Катя слушала, подперев щеку кулаком.

— О, явился — не запылится! — крикнула Лиза, заметив Максима. — Мы уж думали, ты заблудился между коробками с вещами. Или Пал Палыч тебя усыновил прямо в кабинете математики? — Я думал о законе сохранения энергии, — невозмутимо ответил Максим, садясь на край скамейки подальше от них. — Это безопаснее, чем думать о том, почему ваш личный папарацци сидит на нашей встрече без приглашения.

Димка ничуть не смутился. — Я везде хожу как бесплатное приложение к сестрам. Они мой социальный лифт. К тому же, кадр «Золотой мальчик общается с простыми смертными» соберет триста лайков. Народ требует хлеба и зрелищ после твоего слалома на стадионе. — Триста пятьдесят, если сделаешь меня на фоне брызг красивым, — поправила Лиза. — Садись нормально, Макс. Не стой над душой. В ногах правды нет, а в моей сумке есть ледяной кофе. Будешь? Сахар я экономлю, предупреждаю сразу.

Максим взял холодный алюминиевый баллончик. От него пахло химозной карамелью. Он сделал глоток, чтобы занять руки. Ему нужно было выстроить дистанцию, но сделать это так, чтобы сестры не объединились против него из-за высокомерия.

— Почему вы вообще решили меня выгуливать? — спросил он напрямую. — В Москве за такое благотворительность никто не берется. Катя наконец повернула голову. Ее серые глаза в сумерках казались почти черными. — Потому что скучно, — просто сказала она. — У нас тут город маленький. Все делятся на три категории: те, кто мечтает отсюда уехать; те, кто спивается; и мы. Нам нужен четвертый элемент. Ты подходишь по всем параметрам: новенький, умный, перспективный. С тобой хотя бы можно поговорить про теорему Байеса, а не обсуждать, кто с кем целовался за гаражами. — А Лизавета хочет проверить, насколько крепко сидят твои короны, — добавила сама Лиза, болтая ногами. — Победитель олимпиад, звезда футбола... Обычно такие либо невыносимые зануды, которые смотрят на всех как на грязь, либо избалованные мажоры. Пока ты ведешь себя странно. Как будто прячешь что-то тяжелое в рюкзаке. Колись, Громов, наркотики или разбитое сердце?

Максим чуть не поперхнулся кофе. Прямолинейность этой девчонки сбивала с ног лучше любого защитника на поле. — Острый язык когда-нибудь останется без хозяйки, — усмехнулся он. — Просто пытаюсь понять ваши местные законы физики. Например, закон Орловой: почему нельзя прожить десять минут, не съязвив? — Потому что иначе люди расслабляются и начинают наглеть, — парировала Лиза. — Ладно, раз физика пошла в ход, давай проверим теорию на практике. Видишь вон ту компанию? У старой карусели.

Максим посмотрел в указанном направлении. Там кучковалась местная элита старшего поколения: ребята лет семнадцати-восемнадцати на старых иномарках с тонировкой. Среди них выделялся тот самый Саня-баскетболист, который утром звал его играть. Сейчас он громко смеялся, обнимая за талию какую-то ярко накрашенную девушку. — И? — Максим снова отпил кофе. — Их лидер — Антон «Тоша» Волков, — вступила Катя, доставая из сумки распечатанную схему парка, больше похожую на план военных действий. — Сын владельца местного бетонного завода. Считает парк своей вотчиной. Девуц меняет каждую неделю. Саня у него на побегушках. Если мы сейчас пройдем мимо их машины вон по той аллее, Тоша обязательно

свистнет нам вслед. Проверим реакцию моего брата. — Моего брата, — синхронно фыркнула Лиза. — Вашего общего брата, — закатила глаза Катя. — Так что, эксперимент?

Максим перевел взгляд с схемы на смеющуюся компанию. Весь этот дешевый провинциальный пафос вызывал у него только глухое раздражение. Но вызов был брошен. — Ведите, экскурсоводы.

Они встали. Димка незаметно отстал, прячась за колоннадой — инстинкт самосохранения у него работал отлично. Максим оказался зажатым между сестрами. Лиза взяла его под руку с видом собственника, Катя шла чуть позади, контролируя периметр.

Когда они поравнялись с машиной Тоши, музыка из открытых дверей старого BMW ударила по ушам басами. — Эй, Барби номер один! — окликнул Тоша, перекрикивая музыку. Его голос был пьяным и развязным. — Опять куколдов себе новых нашла? Этот вроде побогаче предыдущих будет, при галстукке! Лиза остановилась. Максим почувствовал, как ее пальцы стальной хваткой сжали его локоть. — Закрой рот, Тоша, пока ворона залетела, — звонко ответила она. Голос ее звучал весело, но рука Максима ощутила дрожь. — Чего ты сказал, малявка? — Антон выбрался из машины. Он был выше Максима на полголовы и шире раза в полтора. От него несло перегаром. — Защитника позвала? Чемпион недоделанный, иди сюда, научу мяч держать правильно.

Саня-баскетболист тоже вылез, встав плечом к плечу с вожаком. Толпа за их спинами притихла в предвкушении шоу.

Максим мягко, но настойчиво высвободил свою руку из захвата Лизы. Сделал шаг вперед, закрывая обеих девушек собой. — Парни, вечер добрый, — сказал он спокойно, глядя прямо на Антона. — Мяч я держу неплохо, могу показать дипломы. Но сегодня не в настроении. Предлагаю разойтись краями. Вы едете пить дальше, мы идем есть сахарную вату. Всем выгодно.

Тоша опешил от такой формулировки. Он привык к агрессии, к страху, к ответным оскорблениям. Спокойствие московского гостя выбило его из колеи. — Ты берега попутал, дятел столичный? — прошипел он, делая шаг навстречу.

В этот момент из тени деревьев бесшумно вышла Полина. Та самая девочка с веснушками и кольцом в носу. Она была в огромных наушниках, капюшон натянут на глаза. Не обращая ни на кого внимания, она подошла к багажнику машины Тоши, достала оттуда свой облезлый велосипед, прислоненный туда полчаса назад, оседлала его и начала крутить педали, медленно проезжая прямо сквозь эпицентр конфликта.

Она задела плечом Антона, даже не извинилась, нажала на звонок — *дзинь-дзинь* — и скрылась в темноте боковой аллеи.

Этот бытовой абсурд разрядил обстановку лучше любых слов. Компания Тоши заржала. Сам главарь выглядел глупо. — Психичка какая-то, — буркнул он, возвращаясь к машине. — Валите отсюда, цирк уехал.

Как только рев мотора стих вдаль, ноги подкосились у всех троих одновременно. Они отошли к ближайшей урне. Лиза шумно выдохнула и осела на асфальт, обхватив колени. — Я думала, он тебе нос сломает, — пробормотала она, глядя на свои кеды. — У него перочинный нож всегда в кармане. Для красоты носит. — Угу, — кивнула Катя, пытаясь унять дрожь в руках. — План «А» провалился. План «Б» заключался в том, чтобы бежать очень быстро, пока твой папа-мэр не перезагрузит систему города. — Спасибо, — тихо сказала Лиза, не поднимая глаз. — За то, что встал вперед. Глупо вышло.

Впервые за весь день маска циничной королевы дала трещину. Перед Максимом сидела обычная напуганная десятиклассница. — Забей, — Максим пнул камушек. — Главное правило столицы: никогда не спорь с людьми, чей уровень интеллекта ниже стоимости их кроссовок. Бесперспективно.

Катя вдруг рассмеялась — тихо, мелодично. — Господи, да ты нормальный, — выдохнула она. — А я поверила слухам, что ты робот-терминатор, присланный для оптимизации учебного плана. — Слухи — это моя вина, — подал голос Димка, материализуясь из кустов сирени. Кадра века не получилось, пришлось спасать шкуру. Но зато я снял лицо Тоши, когда эта ведьма на велике позвонила ему в ухо. Чистое искусство. Выложу с подписью «Битва титанов». — Только попробуй, фотограф, — мгновенно ошетилилась Лиза. — Удаляй всё.

К ним подошел охранник парка — пожилой мужчина в мешковатой форме. — Ребят, сворачиваемся, — зевнул он. — Через полчаса ворота на замок. Нечего мне статистику по мордобоям портить перед пенсией.

Домой шли пешком через дворы. Вечерняя прохлада остужала покрасневшие лица. Разговор перестал быть игрой в кошки-мышки. — Расскажи про Москву настоящую, — попросила Катя, стряхивая невидимую пылинку с рукава Максима. — Не ту, которую показывают в сериалах с огнями и ресторанами. А такую, утреннюю, сонную. — Москва настоящая пахнет хлоркой в подъездах и шаурмой у метро, — задумчиво ответил Максим. — И еще там вечное чувство, что ты бежишь марафон, даже если просто стоишь на эскалаторе. Все куда-то несутся. Здесь время... густое. Как кисель. — Вот! — щелкнула пальцами Лиза, которая успела восстановить боевой дух. — Кисель. Именно поэтому здесь все друг другу кости перемывают. Заняться больше нечем. Кстати, о костях. Завтра дискотека в ДК Железнодорожников. Главный сейшн года. Пойдешь?

Максим хотел соврать про тренировку, но поймал умоляющий взгляд Кати. Она смотрела на него снизу вверх, и в этом взгляде читалось желание спасти обычный подростковый вечер от взрослой лжи своего отца. — Пойду, — сдался он. — Но танцевать медляк с вами обеими я отказываюсь. Физически невозможно. — Посмотрим на твое поведение, чемпион, — фыркнула Лиза, толкая его в плечо. — Может, я проникнусь твоей жертвенностью у фонтана.

У подъезда их дома они остановились. — Мне на пятый, — сказала Лиза, махнув рукой на соседний подъезд. — Мать опять будет сканировать на предмет синяков. — Я рядом, вторая квартира, — кивнула Катя.

Они помахали ему и пошли к своему крыльцу. Близкие, похожие, но впервые за вечер идущие не в ногу. Между ними пролегла невидимая граница пережитого страха.

Максим открыл дверь своим ключом. Из кухни доносился тихий джаз и звон посуды. Мама мыла виноград. — Как погулял? — спросила она, не оборачиваясь. — Варенье Елене Петровне передал? — Передал, мам, — Максим бросил рюкзак на пуф. — Кажется, я записался в школьную сборную по выживанию. И завтра иду на дискотеку.

Елена обернулась. На лице ее отразился ужас пополам с облегчением. — Куда?! В какой ДК? Там же эти... гопники бетонные! — Мам, — Максим подошел и забрал у нее полотенце. — Дай сюда. Иди отдыхай. Я теперь золотой мальчик этого города. Наследник физрука и головная боль директора. Со мной ничего не случится. Ну, максимум, придется станцевать вальс с двумя королевами. Готовь костюм.

Он включил воду и начал домывать виноград, чувствуя спиной удивленный и счастливый взгляд матери. Впервые за долгое время дом начинал пахнуть домом, а не вокзалом. А снаружи, в сгущающихся сумерках города N, разгорались неоновые буквы местного клуба, обещающая совершенно новую главу в биографии сына мэра Москвы.

Глава 5. Сестры Королевы

Кабинет биологии на втором этаже считался территорией девочек. Здесь пахло не формалином и гербарием, как в обычных кабинетах, а сладкими цветочными духами, мятной жвачкой и легким ароматом власти.

Лиза и Катя Орловы занимали последнюю парту среднего ряда — так называемый «трон». Отсюда открывался идеальный обзор на дверь и на весь класс. Для остальных учеников они были неразрывным понятием: «Орлихи», «Сестры», «Королевы». Единый организм с двумя головами.

Но если присмотреться, это был союз льда и пламени, скрепленный десятилетней привычкой спать в соседних комнатах. Лиза была огнем. Она сидела, закинув ногу на ногу так, что край клетчатой юбки дерзко открывал бедро. Ее рыжие волосы (она красилась каждые две недели) горели в свете люминесцентных ламп. На шее висел кулон из потускневшего серебра в виде кинжала. Лиза всегда говорила первой, смеялась громче всех и смотрела на мир чуть прищурившись, словно оценивая каждого встречного на пригодность к ее свите.

Катя была водой. Тихая, прозрачная, но способная точить камни. Она сидела идеально ровно, спина прямая, как у балерины. Волосы у нее были русые, гладко зачесанные назад и собранные в тугую низкий пучок, где не выбивалась ни одна прядь. В отличие от сестры, она почти не пользовалась косметикой, кроме бесцветного блеска для губ. Пока Лиза рисовала в тетради карикатуры на историчку, Катя вела таблицу успеваемости всего класса в маленьком блокноте в кожаной обложке, выверяя средний балл до сотых долей.

— Он опаздывает уже на три минуты, — тихо сказала Катя, не отрывая ручки от бумаги. Голос у нее был под стать внешности — ровный, безэмоциональный, гипнотизирующий. — Расслабься, стратег, — Лиза щелкнула подругу по затылку кончиком карандаша. — Новенькие всегда теряются между туалетом и расписанием. Или он заблудился в нашем серпентарии? Димка сказал, Пал Палыч его вчера до слез довел формулами. — Не до слез, а до четырех баллов, — поправила Катя. — Разница существенная. И я не волнуюсь. Я просчитываю риски. Если он действительно олимпиадник, физмат-класс потеряет половину финансирования спецкурсов. Нас заставят снова учить производные. Я ненавижу математику, когда в ней нет логики выживания. — Зато какая будет драма! — мечтательно закатила глаза Лиза. — Представь: холодный гений из столицы против простых сельских парней. Ромео и Джульетта версии дваноль. Только Монтекки будут играть в футбол, а Капулетти решать уравнения Максвелла.

Дверь скрипнула. Класс затих мгновенно, даже отличница Маша Соколова перестала шептаться с соседкой. Этот эффект тишины возникал вокруг Максима Громова сам собой, стоило ему появиться в радиусе десяти метров. Дело было не только в дорогой одежде или идеальной осанке. От него исходила вибрация абсолютной уверенности человека, который знает ответы на вопросы еще до того, как их задали.

Максим прошел к своей третьей парте. Когда он поравнялся с «троном» сестер, траектории их взглядов пересеклись.

Это длилось доли секунды.

Для Лизы время замедлилось. Она увидела парня, который выглядел слишком взрослым для десятого класса. Его плечи казались шире дверного проема, а движения были экономными, хищными, как у крупного кота. Но самым опасным были глаза — светло-карие, цвета гречишного меда, с темным ободком вокруг радужки. Они смотрели не сквозь людей, как у большинства ботаников, и не нагло, как у местных хулиганов. Они сканировали пространство, фиксируя всё: трещину на потолке, облупившийся лак на ногтях Кати, криво висящий плакат Дарвина. Взгляд профессионала. И этот взгляд мазнул по лицу Лизы, задержавшись на долю

секунды дольше приличий. Внутри у нее что-то щелкнуло — туго натянутая струна лопнула, отзываясь жаром где-то внизу живота.

Катя же видела другое. Анализатор в ее голове работал со скоростью суперкомпьютера. *«Одежда: бренд неизвестен местным магазинам, цена выше годового дохода семьи Сани-баскетболиста. Оценка — статус «А». Походка: центр тяжести смещен вперед, вес перенесен на носки. Бывшее спортивное прошлое, вероятнее всего — футбол или бег. Оценка — скрытая угроза. Лицо: отсутствие макияжа, идеальная кожа. Ресницы натуральные. Не пытается понравиться намеренно. Оценка — аномалия. Опасность уровня «Красная Королева».*

И самое главное — искра. Катя заметила, как зрачки Лизы расширились, делая ее глаза почти черными. Это случалось крайне редко, обычно перед хорошей дракой или страстным поцелуем за школой. Впервые за десять месяцев сестринского симбиоза Катя почувствовала ледяной укол ревности. Территория помечена. И метил ее не какой-то местный дурачок, а равный. Тот, кто может разрушить их дуополию просто фактом своего существования.

Урок биологии вел седой Николай Иванович, прозванный Дрозofiлой за любовь к наглядным опытам. Он монотонно бубнил о митозе, выводя мелом схемы деления клетки.

Лиза достала телефон под столом. Пальцы летали над экраном. [Лиза, 10:15]: *Он смотрит как рентген.* [Катя, 10:15]: *Не будь душой. У него уровень кортизола ниже нашего. Он нас считывает.* [Лиза, 10:16]: *Плевать. Вызов принят. Спорим на желание, он влюбится в меня первой?* [Катя, 10:16]: *Ты путаешь влюбленность с инстинктом самосохранения. Он видит в тебе угрозу. Пары глупое.* [Лиза, 10:17]: *Струсил, мышка?*

Катя стиснула ручку так, что побелели костяшки. Она ненавидела, когда сестра использовала ее детское прозвище. [Катя, 10:18]: *Хорошо. Но условия меняются. Кто первый останется с ним наедине вне школы — тот победил.* [Лиза, 10:19]: *Принято. Готовь список желаний.*

В этот момент Николай Иванович поднял голову. Его близорукие глаза растерянно моргнули. — Так... А где у нас схема профазы? Он смотрел прямо на последнюю парту. Девочки переглянулись. Листок со схемой, которую должна была нарисовать Катя, лежал пустым. Стратег забыла выполнить базовое действие, потому что ресурсы мозга ушли на анализ конкурента.

— Орлова Екатерина, я вас не узнаю, — проблеял учитель. — Обычно ваш аналитический ум... — Прошу прощения, Николай Иванович, — перебила его Лиза, поднимаясь во весь рост. Она встала так, чтобы Максим, сидящий через ряд, видел ее в профиль. — Мы обсуждали фазы мейоза и немного увлеклись биохимией страсти. То есть, процесса. Давайте я отвечу?

Она начала тараторить текст параграфа, сопровождая рассказ плавными, завораживающими жестами рук. Это была чистая манипуляция. Лиза работала на публику, главной целью которой был новенький.

Катя опустила глаза в стол. Ей было физически плохо. Желудок скрутило узлом. Она посмотрела на чистый лист перед собой. Вместо схемы деления клетки рука сама вывела быстрым почерком одно слово: «МАКСИМ».

Когда прозвенел звонок, Лиза действовала молниеносно. Она сгребла свои вещи, подошла к парте Максима и облокотилась на нее, нависая сверху. — Слушай, чемпион, — прошептала она так громко, чтобы слышал весь класс. — Говорят, ты задачи решаешь быстрее, чем я ресницы крашу. Поможешь мне с этим проклятым митозом? У меня после слова «хромосома» начинается мигрень. Кофе-парк, пять часов? Расскажешь мне про амёб, я расскажу тебе сплетни.

Она улыбнулась. Это была знаменитая «улыбка Орловой №3» — смесь невинности и открытого флирта, которая валили с ног мальчиков постарше.

Максим медленно закрыл учебник. Посмотрел сначала на Лизу, потом перевел взгляд на Катю, которая стояла у шкафа, делая вид, что ищет сменную обувь, хотя шкаф был пуст. Их взгляды столкнулись. В серых глазах Кати читалась холодная сталь вызова.

— Извини, — вежливо ответил Максим, застегивая рюкзак. — Сегодня в пять у меня тренировка. Физрук обещал персональные ворота поставить, если забью десять из десяти. Приоритеты. Может быть, в другой раз.

Он обошел замершую Лизу, едва не коснувшись плечом ее груди, и вышел из кабинета.

Тишина повисла густая, как кисель, о котором говорил Максим накануне. Лиза стояла посреди класса с открытым ртом. Первой отказ прозвучал не для нее — он прозвучал мимо нее. Как будто она была частью интерьера.

К ней подошла Катя. Она ничего не сказала. Просто протянула руку и аккуратно, почти нежно заправила выбившуюся рыжую прядь волос сестре за ухо. — Десять из десяти, — тихо констатировала она. — Добро пожаловать в настоящую игру, сестренка. Кажется, наш золотой мальчик умеет не только считать интегралы.

Лиза резко выдохнула, сбрасывая оцепенение. Ярость обожгла горло. — Ничего, — процедила она, глядя вслед закрывшейся двери. — Митоз мы изучим. До самой последней хромосомы.

Глава 6. Кофе, физика и яблочный пирог

Пять часов вечера. Кафе «Кофе-парк» на центральной площади города N пахло пережаренными зернами, корицей и отчаянием провинциального гламура. Стены были выкрашены в кислотно-розовый цвет, а диваны обтянуты искусственным леопардом.

Лиза сидела за столиком у окна уже двадцать минут. Она выбрала это место специально: неоновые вывески магазинов напротив идеально подсвечивали ее профиль для случайных прохожих. На столе перед ней остывала третья чашка карамельного рафа. Лиза ненавидела сладкий кофе, но заказывала его здесь всегда — назло местным эстетам, которые пили только американо.

Она видела, как Максим прошел мимо витрины ровно в пять ноль-ноль. Он даже не замедлил шаг. Просто скользнул взглядом по розовым стенам, оценил обстановку профессиональным сканером и пошел дальше, к стадиону. Отказ был вежливым, холодным и окончательным. Для девочки, которая привыкла вертеть парнями одним движением брови, это было оскорблением масштаба катастрофы.

— Еще что-нибудь? — официантка, замученная жизнью женщина с химической завивкой, кивнула на нетронутый раф. — Счет, — буркнула Лиза. — И салфетку. У меня тушь потекла от несправедливости этого мира.

Расплачиваясь, она заметила Катю. Та сидела через два столика, спрятавшись за огромным фикусом в кадке. Стратег пришла сюда сразу после уроков, заняла позицию наблюдателя и ждала. В руках у нее была книга — толстый том Мураками. Читать она ее явно не могла, просто водила пальцем по строчкам, делая вид, что поглощена сюжетом, пока исподтишка разглядывала сестру.

«Слежка», — подумала Лиза, поймав взгляд сестры поверх страниц. Вместо того чтобы разозлиться еще больше, она вдруг почувствовала азарт. Если гора не идет к Москве.

Максим вышел со стадиона грязный, пропахший потом и озоном (только что полили поле). Мяч слушался идеально, физрук Петр Сергеевич сиял, как начищенный самовар, но удовлетворения не было. Игра требовала эмоций, выброса адреналина, контакта. А он весь день играл роль фарфоровой куклы. Даже отказ рыжей фурии оставил его совершенно равнодушным.

Он достал телефон. Полина так и висела в подписчиках без аватарки. Максим открыл диалог. *«Это парк Гагарина. Пять вечера. Ты же любишь наблюдать?»* Отправил. Удалил сообщение. Стер из истории вызовов. Глупость какая-то.

Когда он свернул на свою улицу, элитный кирпичный коттедж выглядел неприступной крепостью. У калитки стояла Катя Орлова.

На ней не было ни грамма косметики, волосы все так же туго стянуты в пучок. Она переоделась в простую черную водолазку и джинсы, которые, казалось, стоили дороже всей коллекции одежды местной футбольной команды. В руках она держала стеклянную форму для запекания, от которой поднимался густой аромат печеных яблок, корицы и чего-то неуловимо домашнего.

— Привет, — сказала она, когда Максим подошел ближе. — Я знаю про тренировки. Думала, ты вернешься голодным. Мама заставила испечь. Сказала, что взятка сахарной ватой работает один раз, а желудок нужно прикрывать постоянно.

Она протянула ему форму. Внутри, укрытый вафельным полотенцем, покоился идеальный шарлоточный купол. — Елена Андреевна очень точно бьет в слабые места, — усмехнулся Максим, принимая тяжелую горячую форму. Через стекло было видно золотистые яблоки сорта «Антоновка». — Передай ей спасибо. Но я не ем сладкое на ночь. Углеводы убивают рельеф. — Это не тебе, — спокойно возразила Катя. — Это маме. Ей сегодня привезли какой-

то жуткий гарнитур в столовую, она расстроилась из-за цвета дуба. Пирог должен поднять уровень серотонина. А если ты съешь хотя бы кусок, я буду считать, что мы квиты. — За что квиты? — За то, что спасла тебя от позора. Митоз... Амебы... Лиза готовила эту речь три перемены. Использовать биологию для флирта — это дно школьного юмора. Я толкнула ее под локоть, когда она открывала рот. Сказала, что Николай Иванович вызывает к доске именно ее. Пришлось импровизировать самой.

Максим наконец посмотрел на нее прямо. Без прищура, без оценки угрозы. Просто посмотрел. Лицо Кати было лишено той яркой, хищной красоты, что была у сестры. Оно было правильным, почти иконописным, но живым. Только сейчас он заметил крошечную родинку над левой бровью и едва заметные тени усталости под глазами. — Зачем ты мне помогаешь? — спросил он тихо. — Вы же воюете. — Мы не воюем, — Катя поправила лямку рюкзака. — Мы делим территорию. Пока ты нейтралитет, ты интересен обеим. Как только выберешь кого-то одну, вторая станет твоим врагом. Я предпочитаю играть вдолгую. Враг моего врага — мой временный союзник. Кстати, о врагах.

Она достала из кармана сложенный вчетверо тетрадный лист. — Твой водитель Михаил Иванович засветил номера на парковке у супермаркета «Пятерочка». Фотография есть в городском паблике «Подслушано Город N». Комментарии соответствующие. Советую передать отцу, пусть сменит машину или хотя бы номера на этой неделе. Иначе завтра к вам придет журналистка из местной газеты «Вестник Закатов». Очень въедливая дама, пишет стихи про березки, но нюх как у ищейки.

Катя развернулась, собираясь уходить. — Погоди, — окликнул Максим. Он поставил форму с пирогом на забор. — Почему ты такая? — Какая? — обернулась она. — Взрослая. Тебе сколько лет на самом деле? Сорок два? Ты мыслишь схемами ЦРУ. — Мне пятнадцать. Просто я ненавижу сюрпризы, — пожалла плечами Катя. — Они мешают спать. Спокойной ночи, чемпион. И ешь пирог, пока теплый. Холодная шарлотка — это преступление против человечества.

Она ушла легкой, бесшумной походкой. Максим стоял посреди улицы с горячим яблочным чудом в руках, чувствуя себя героем дешевого сериала.

Дома пахло валерьянкой и мебельным лаком. Елена металась между кухней и столовой, заламывая руки. Гарнитур цвета «выбеленный дуб» действительно оказался тошнотворно-желтым. — Сынок! — она бросилась к нему, хватая пирог. — Божественный запах! Катюша сама пекла? Золотая девочка... Не то что некоторые. Господи, этот желтый сводит меня с ума!

Ужин проходил в молчании. Андрей Викторович ел быстро, просматривая отчеты с экрана телефона, который прятал под столешницей. Когда Максим упомянул вскользь про фотографии машины в сети, отец отложил вилку. — Номера сменить невозможно, они ведомственные, числятся за администрацией области, — мрачно сказал он. — Придется менять тактику. Завтра твоя мать пойдет знакомиться с активистками ТСЖ. Будем создавать образ скучной семьи менеджеров среднего звена. Никаких машин с водителями на виду. Миша будет оставлять тачку за гаражами, дальше пешком. Понял, Макс? Никаких такси. Автобус. Или ноги. — Ноги, — кивнул Максим. — Я люблю ходить. Развивает икроножные.

После ужина он поднялся к себе. Сел на подоконник, глядя на темную стену соседского гаража. Есть хотелось зверски. Он взял форму, ложку и начал есть прямо из стекла. Теплое, кисло-сладкое тесто таяло во рту. Впервые за эти дни он почувствовал что-то похожее на уют.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение в школьном чате «Королевы и Ко». ** [Liza_Owl]: *Мышцы забились на футболе, да? Руки не дошли до биологии? Я могу прийти помочь. Практикой.* [Maximus_G]: *Спасибо, справлюсь руками.* (Прикрепил фото своего бицепса). ** [Kat_Strategist]: *Не дразни медведицу. Она сейчас ест лимон без сахара от злости.* [Maximus_G]: *Пусть привыкает к кислому. В жизни пригодится.* ** [Kat_Strategist]: *Ты*

*странный. Обычно мажоры либо хамят, либо пресмыкаются. Ты игнорируешь. Это новый протокол соблазнения? [Maximus_G]: Это экономия энергии. Протокол называется «Усталость». ** [Kat_Strategist]: Завтра контрольная по алгебре. Профильный уровень. Если получишь меньше пятерки, признаю поражение в споре досрочно. Лиза ставит на твой провал. Я ставлю на то, что ты решишь вариант за десять минут и уснешь на парте. [Maximus_G]: Принимаю. Ставка? ** [Kat_Strategist]: Проигравший выполняет одно желание победителя. Без ограничений. [Maximus_G]: Договорились. До связи, Стратег.*

Максим выключил экран. Посидел еще минуту, дожевывая последний кусок пирога. Затем он открыл новую вкладку браузера. Ему нужно было найти расписание местных автобусов. Конспирация начиналась всерьез, и пешие прогулки грозили затянуться надолго.

Глава 7. Алгебра, автобус и правила дорожного движения

Утро выдалось на редкость мерзким. Мелкий дождь, больше похожий на водяную пыль, оседал на волосах, а пронизывающий ветер забирался под легкую куртку. Максим стоял на остановке «Центральная», чувствуя себя участником программы по выживанию в дикой природе.

Мимо с ревом пролетел черный Mercedes Pullman отца. Стекло задней двери чуть опустилось — Андрей Викторович бросил на сына тяжелый взгляд исподлобья, убедился, что тот действительно стоит под ржавым навесом в ожидании общественного транспорта, и дал знак водителю ехать дальше. Конспирация требовала жертв.

Подошел ЛиАЗ старого образца. Двери со скрежетом разъехались, выпуская облако теплого воздуха, пахнущего бензином, мокрой резиной и чужими жизнями. Максим поднялся по ступенькам и замер. Салон был забит до отказа: студенты местного политеха, женщины с тележками, едущие на рынок, сонные рабочие. Воздух здесь имел плотность и вес.

— Проходим в салон, молодежь, не спим! — пробасила кондукторша, женщина-гора в оранжевой жилетке. — Передаем за проезд!

Максим порылся в карманах. Мелочи не было. Он протянул пятитысячную купюру. Кондукторша посмотрела на бумажку так, словно это была ядовитая змея. — Сдачи нет! Разменяй давай, спонсор. — У меня только карта, — растерянно сказал Максим, забыв, что местные терминалы работают через раз и требуют пин-код длиной в вечность. — Ну тогда пешком иди, министр! — отрезала женщина. — Или высажу на следующей.

Ситуацию спасла Полина. Она сидела у окна, закутавшись в огромную бесформенную толстовку с капюшоном, натянутым на самые брови. В ушах гремели наушники. Не вынимая их, она порылась в кармане, достала горсть мелочи, отсчитала нужную сумму и молча кинула в жестяной ящик рядом с кондукторшей. Затем кивнула Максиму на свободное место напротив.

Он сел. Они молчали минут пять. Полина смотрела на грязное стекло, по которому бежали капли. Максим рассматривал ее профиль. Без косметики, с обветренными губами и россыпью веснушек, которые сейчас казались почти черными, она выглядела старше своих лет. — Спасибо, — наконец сказал он. — Сочтемся, — буркнула она, вытаскивая один наушник. — Твой батя реально топ-менеджер? А то слухи ходят разные. Кто-то говорит, что ты беглый свидетель из федеральной программы защиты. — Мой отец продает бетон, — устало вздохнул Максим. — Самый скучный бетон в мире. Поэтому мы здесь. Скрываемся от его конкурентов по цементу. Полина фыркнула. Это был первый звук, похожий на смех, который она издала в его присутствии. — Бетонщики ездят на автобусах без охраны? Смело. Ладно, Гроза Физруков, мне выходить. Школа искусств. Меня там хотя бы бить не пытаются. — Почему тебя вообще должны бить? — искренне удивился Максим. — Потому что я рисую на стенах мэрии граффити с единорогами, которые трахаются, — она пожала плечами. — Искусство требует жертв. Пока.

Она выскользнула на своей остановке, снова оставив его с чувством недосказанности и запахом дешевого цветочного парфюма, исходящего от ее толстовки.

Алгебра началась с объявления войны. Инга Станиславовна положила перед каждым листок с контрольной. Текст первой же задачи заставил половину класса тихо застонать. Лиза сидела слева. Она грызла колпачок ручки и смотрела на Максима взглядом хирурга, оценивающего сложную опухоль. Катя сидела справа. Она просто открыла тетрадь и начала писать. Ее движения были плавными и точными.

Максим взял ручку. Пробежал глазами варианты. Задачи действительно были уровня вступительных экзаменов в хороший технический вуз. Для местных десятиклассников это был приговор.

Он решил свой вариант за двенадцать минут. Проверил вычисления дважды для чистоты эксперимента. Оставшиеся тридцать восемь минут урока нужно было как-то выживать. Оглушающая тишина класса давила на барабанные перепонки. Было слышно, как жужжит муха под потолком и как тяжело дышит Саня-баскетболист на последней парте (он даже не приступал ко второй странице).

Чтобы развлечься, Максим начал решать вариант Кати. Его ручка аккуратно вписала решение между ее строчками. Катя вздрогнула, почувствовав чужое присутствие над своим плечом, но головы не подняла. Когда он закончил, она едва заметно подвинула свою линейку, закрывая его записи рукавом.

Урок закончился. Инга Станиславовна собрала работы с видом полководца, принимающего ключи от поверженного города. — Орлова Екатерина, задержитесь, — бросила она, уже стоя в дверях.

Катя осталась сидеть. Лиза медленно обернулась, глядя на сестру с плохо скрываемым торжеством. — Спалилась, мышка? — прошипела она одними губами. — Решила списать у москвича прямо под носом у исторички? — Я ничего не решала, — ровным голосом ответила Катя. — Иди, Лиз. У тебя окно биологии. Не пропусти митоз.

Когда класс опустел, Инга Станиславовна подошла к парте девочек. Она взяла работу Кати, пролистала, затем вытащила из стопки на столе работу Максима. — Интересный симбиоз, — задумчиво сказала учительница. — Орлова, ваш почерк я знаю с пятого класса. Но эти три страницы... интеграл Лебега решен рукой вашего соседа. Вы решили впустить репетитора прямо во время экзамена? — Это не репетитор, — Катя закрыла книгу. — Это стихийное бедствие. Он утверждает, что сэкономил энергию. — Он сэкономил вам обоим будущее, — хмыкнула Инга Станиславовна. — Работа решена безупречно. Ставлю авансом пятерку тебе и ему. Но на следующем зачете будете писать в разных концах кабинета. Свободны.

На перемене Максим оказался в плотном кольце. Димка-фотограф прыгал вокруг с камерой: — Лицо победителя! Нет, смотри в потолок! Там энтропия вселенной! Лиза, скажи что-нибудь интеллектуальное! — Митохондрии — это силовые станции клетки! — тут же отчеканила Лиза, повиснув на локте у Максима. От нее пахло яблочным шампунем и духами. — Макс, поможешь мне с лабораторкой после уроков? Нужно препарировать лягушку. Я боюсь повредить ей мозги. Хотя... некоторым мозг не мешает. — Мне некогда, у меня встреча со штангой, — Максим попытался мягко отстраниться, но Лиза держалась крепко. — Вечером опять занят? — она надула губы. — Парк отменяется? Может, придешь к нам? Посидим, чай попьем. Мама шарлотку печет... — Шарлотку я уже ел, — честно ответил Максим. — У Кати. Очень вкусно. Передай привет Елене Петровне.

В наступившей тишине стало слышно, как тикают часы в рекреации. Лицо Лизы медленно заливала краска. То, что враг знает имя-отчество ее матери и хвалит ее стряпню — это был удар ниже пояса. Информационная война перешла на личности.

— Ах вот оно что, — протянула Лиза, отпуская его рукав. Голос стал ледяным. — Стратегический ход. Пирог сближает. Ну-ну.

Она резко развернулась и пошла прочь. Катя, стоявшая поодаль, проводила ее спину долгим взглядом, потом подошла к Максиму. — Ты играешь с огнем, — тихо сказала она. — Теперь она захочет эту шарлотку сжечь. Вместе с домом. — Я просто люблю яблоки, — пожал плечами Максим. — Кстати о пожаре. Ваш местный паблик кипит. Фотографии моей вчерашней посадки в муниципальный транспорт набрали сто лайков. Версии варьируются от «сын мэра экономит на бензин» до «это тайная сходка масонов». — Пабликом занимаюсь я, — спокойно кивнула Катя. — Уже запустила контр-слив. Фото, где физрук Петр Сергеевич

целует завуча столовой в подсобке. Народ переключился. Главное правило информационной гигиены: людям плевать на власть, пока им есть кого обсудить из соседей.

К ним подбежала запыхавшаяся девочка из параллельного класса. — Девчонки, видели? Там новенького поставили в спарринг с Быком на физре! Пал Палыч психанул.

Сердце Максима пропустило удар. Пал Палыч обещал подготовить его к международной лиге, но забыл предупредить, что местная проверка на прочность проходит через мордобой.

Они выбежали в коридор, ведущий к спортзалу. Оттуда уже доносились глухие удары и одобрителный гул толпы. Максим оттолкнул зевак от дверей.

В центре зала, на ринге для отработки ударов, Саня-Бык пытался встать на ноги. Колено его правой ноги было неестественно выгнуто. Над ним возвышался Максим. На руках у него были боксерские перчатки, дыхание ровное. Ни капли пота.

Физрук смотрел на него с выражением священного ужаса и восторга одновременно. — Какого... как ты его сделал? — выдохнул Петр Сергеевич. — Ты же говорил, что футболист! — Футболисты тоже много тренируют ноги, — спокойно ответил Максим, снимая перчатки. — Просто вектор приложения силы другой. Вызывайте скорую, у него разрыв связок. Кажется.

Лиза стояла у стены, прижимая ладонь ко рту. Впервые в жизни она видела человека, который ломает противников быстрее, чем она успевает придумать язвительный комментарий. И этот человек вчера отказался от ее рафа, похвалил пирог ее соперницы и теперь методично уничтожает мужское эго всей школы.

Это было не просто поражение. Это была аннигиляция.

Глава 8. Синдром спасателя и законы термодинамики

Медицинский кабинет в школе пах хлоркой, дешевой бумагой и отчаянием. Саню-Быка уже унесли на жестких носилках — диагноз Максима подтвердился: разрыв передней крестообразной связки. Для баскетболиста это означало конец сезона, а возможно, и спортивной стипендии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.